

ГЕРИХЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДВО ИД-СЪТИЩА
МОСКВА 1914

ПО СТАРИНѢ.

I.

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постѣснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначимъ въ продажу съ торговъ за 28,000 рублей для слома чудный ростовскій кремль съ росписными храмами, съ княжескими и митрополичьими палатами, какъ это было еще на глазахъ живыхъ людей. когда только случайность, неимѣніе покупателя спасли отъ гибели гордость всей Руси.

Ничего больше нашему благополучному существованію не нужно; и никакого мѣста попрежнему въ жизни нашей старина не занимаетъ. Попрежнему далеки мы отъ сознанія, что общегосударственное, всенародное дѣло должно держаться всюю землею, внѣ казенныхъ суммъ, помимо обязательныхъ постановленій.

Правда, есть и у насъ немногіе исключительные люди, которые подъ гнетомъ и насмѣшками „сплоченнаго большинства“ все же искренно любятъ старину и работаютъ въ ея пользу, но такихъ людей мало и всѣ усилія ихъ только кое-какъ удерживаютъ равновѣсіе, а о поступательномъ движеніи нельзя еще и думать.

А между тѣмъ въ отношеніи древности мы переживаемъ сейчасъ очень важное время. У насъ уже немного остается памятниковъ, доброй сохранности, нетронутыхъ неумѣлымъ подновленіемъ, да и тѣ какъ-то дружно запросили поддержку.

Гдѣ бы ни подойти къ дѣлу старины, сейчасъ же попадаешь на свѣдѣнія о трещинахъ, разрушающихъ роспись, о провалѣ сводовъ о ненадежныхъ фундаментахъ. Кромѣ того еще и теперь внимательное ухо можетъ въ изобиліи услышать рассказы о фрескахъ подъ штукатуркой, о вывозѣ кирпичей съ памятника на постройку, о разрушеніи городища для нуждъ желѣзной дороги. О такихъ грубыхъ проявленіяхъ уже не стоитъ говорить, Такое явное искаительство должно вымереть само: грубое насиліе встрѣтитъ и сильный отпоръ. Послѣ знаній уже пора намъ любить старину и время теперь уже говорить о хорошемъ, художественномъ отношеніи къ памятникамъ.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокругъ нея.

Послѣдовательно прошла передо мною московщина, смоленщина, вѣчевые города, Литва, Курляндія и Ливонія и вездѣ любовь къ старинѣ встрѣчалась малыми, неожиданными островками и много гдѣ памятники стоятъ мертвыми.

Что же мы видимъ около старины?

Грозныя башни и стѣны заросли, закрылись мирными березками и кустарникомъ. Величавые, полные романтическаго блеска, соборы задавлены ужасными домишками. Съдые иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношеніями. Все потеряло свою жизненность. И стоятъ памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не даетъ спать на диво обожженный кирпичъ, изъ котораго можно сложить громаду фабричныхъ сараевъ; кому мѣшаетъ стѣна проложить конку кого беспокоятъ безобидные изразцы и до боли хочется; сбить ихъ и унести, чтобы они погибли въ кучѣ домашняго мусора.

Такъ рѣдко можно увидеть человѣка, который искалъ бы жизненное лицо памятника, приходилъ бы по душѣ побесѣдовать со стариною. Фарисейства, конечно, какъ вездѣ, и тутъ не оберешься. А сколько можетъ поразсказать старина родного самымъ ближайшимъ нашимъ исканіямъ и стремленіямъ.

Вспомнимъ нашу старую (нераставрированную) церковную роспись. Мы подробно изслѣдовали ея композицію, ея малѣйшія черточки и детали, и какъ еще мало мы чувствуемъ общую красоту ея, т. е. самое главное. Какъ скудно мы сознаемъ, что передъ нами не странная работа грубыхъ богомазовъ, а превосходнѣйшая стѣнопись.

Между прочимъ, въ Ростовѣ мнѣ пришлось познакомиться съ молодымъ художникомъ, иконописцемъ г. Лопакowymъ и случилось пожалѣть, что до сихъ поръ этому талантливому человѣку не приходится доказать свое чутье и умѣнье на большой реставраціонной работѣ. Способный иконописецъ

и сидить безъ дѣла и около старыхъ иконъ толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежавшіе запрещенію касаться святыхъ ликовъ, богомазы—которыхъ въ старое время отсылали съ Москвы подальше.

Проѣздомъ черезъ Ярославль слышно было, что предстоитъ ремонтъ Ивана Предтечи; слѣдуетъ поправить трещины. Но страшно, если, задѣлывая ихъ, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревымъ фонамъ и по бархатной муравѣ; получится варварское дѣло, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще цѣнимъ старинную живопись. Мнѣ приходилось слышать отъ интеллигентныхъ людей рассказы о странныхъ формахъ старины, курьезы композиціи и одежды. Расскажутъ о нѣмцахъ и другихъ иноземныхъ челоуѣкахъ, отправленныхъ суровымъ художникомъ въ адъ на Страшномъ судѣ, скажутъ о трактовкѣ перспективы, о происхожденіи формъ орнамента, о многомъ будутъ говорить, но ничего о красотѣ живописной, о томъ, чѣмъ живо все остальное, чѣмъ иконопись будетъ важна для недалекаго будущаго, для лучшихъ „открытій“ искусства. Даже самые слѣпые, даже самые тупые, скоро поймутъ великое значеніе нашихъ примитивовъ, значеніе русской иконописи. Поймутъ и завопятъ и заахають. И пускай завопятъ! Будемъ ихъ вопленіе пророчествовать—скоро кончится „археологическое“ отношеніе къ историческому и къ народному творчеству и пышнѣе разцвѣтетъ культура искусства.

Мы переварили западныхъ примитивовъ. Мы, какъ будто, уже примиряемся съ языкомъ многихъ новѣйшихъ индивидуалистовъ. Къ намъ много теперь проникаетъ японскаго

искусства, этого давняго достоянія западныхъ художниковъ и многимъ начинаютъ нравиться геніальныя творенія японцевъ съ ихъ живѣйшимъ рисункомъ и движеніемъ, съ ихъ несравненными бархатными тонами.

Для дѣла все равно какъ именно, лишь бы идти достойнымъ путемъ; можетъ быть хоть черезъ искусство, Востока взглянемъ мы иначе на многое наше. Посмотримъ не скучнымъ взоромъ археолога, а теплымъ взглядомъ любви и восторга. Почти для всего у насъ фатальная дорога „черезъ за-границу“ можетъ быть и здѣсь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старыя изразцы или орнаменты, думаешь. Какая красивая жизнь была. Какіе сильные люди жили ею. Какъ жизненно и близко всѣмъ было искусство, не то что теперь,—ненужная игрушка для огромнаго большинства. Насколько древній строитель не могъ обойтись безъ художественныхъ украшеній, настолько теперь стали милы штукатурка и трафаретъ. И добро бы въ частныхъ домахъ, а то и въ музеяхъ и во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ не пауки и сырость должны разцвѣчать плафоны и стѣны, а живопись лучшихъ художниковъ, вдохновляемыхъ широкимъ размахомъ задачи. Насколько ремесленникъ древности чувствовалъ инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую изъ его рукъ, настолько теперь процвѣтаютъ нелѣпый штампъ и опошленная форма. Все впередъ идетъ!

II.

Грѣхъ, если родные, близкіе всѣмъ наши памятники древности будутъ стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, какъ музейные предметы. Не хорошо, если передъ стариною въ ея жизненномъ пути является то же чувство, какъ въ музеѣ гдѣ, какъ въ темницѣ, по остроумному замѣчанію де ла-Сизеранна, заперты въ общую камеру разнороднѣшіе предметы; гдѣ фризъ, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоитъ на уровнѣ головы; гдѣ исключаютъ другъ друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здѣсь говорить объ общей цѣлесообразной картинѣ, о древней жизни, о ея характерности. И не будетъ этого лишь при одномъ непримѣнномъ условіи.

Дайте памятнику живой видъ, возвратите ему то общее, въ которомъ онъ красовался въ былое время,—хоть до нѣкоторой степени возвратите! Не застраивайте памятниковъ доходными домами; не заслоняйте ихъ казармами и сараями; не допускайте въ нихъ современные намъ предметы—и многіе съ несравненно большей охотой будутъ рваться къ памятнику, нежели въ музей. Дайте тогда молодежи возможность смотрѣть памятники и она навѣрное будетъ стремиться изъ тисковъ современности къ древнему, такъ много видѣвшему дѣлу. Послѣ этого совсѣмъ иными покажутся

сокровища музеевъ и заговорятъ съ посѣтителями совѣснымъ языкомъ. Музейныя вещи не будутъ страшною необходимостью, которую требуютъ знать, купно, со всѣми ужасами сухихъ соображеній и свѣдѣній во имя холодной древности, а наоборотъ, отдѣльные предметы будутъ частями живого цѣлага, завлекательнаго и чудеснаго близкаго всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдетъ молодежь къ живому памятнику, заглянетъ въ чело его и мало въ комъ не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое въ дѣтствѣ, а потомъ заваленное чѣмъ-то, будто бы нужнымъ. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, какъ завлекательную сказку схватить всякій объясненія къ старинѣ.

Какъ это все старо и какъ все это еще ново. Какъ совѣстно твердить объ этомъ и какъ всѣ эти вопросы еще нуждаются въ обсужденіяхъ! Въ лихорадочной работѣ куется новый стиль, въ поспѣшности мечемся за поисками новаго. И родить эта гора—мышь. Я говорю это конечно не объ отдѣльныхъ личностяхъ, исключеніяхъ, работы которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи искусства, а о массовомъ у насъ движеніи. Не успѣли мы двинуться къ обновленію, какъ уже сумѣли выжать изъ оригинальныхъ вещей пошлый шаблонъ, едва ли не горшій, нежели прежнее безразличіе. Въ городахъ растутъ дома, художественностью заимствованные изъ сокровищницы модныхъ магазиновъ съ претензіей на новый пошибъ; въ обиходъ проникаютъ вещи странныхъ формъ, часто весьма мало пригодныя для употребленія. А памятники, наряду съ природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены и пути къ нимъ

засорены сущью и педантизмомъ. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишній мусоръ, собирая осколки прекрасныхъ формъ?

III.

Въ глухихъ частяхъ Суздальскаго уѣзда хотѣлось найти мнѣ мѣстные уборы. Общія указанія погнали меня за 20 верстъ въ село Торки и Шошково. Въ Шошковѣ оказалось еще много старины. Во многихъ семьяхъ еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видѣть тайное желаніе продать все это, и не въ силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень рѣдко можно было найти семью, гдѣ бы былъ въ употребленіи весь старинный уборъ полностью.

— Не хотятъ, вишь, молодые-то старое одѣвать,—говорилъ старикъ-мужичекъ, покуда дочка пошла одѣть полный нарядъ.

Я началъ убѣждать собравшихся сельчанъ въ красотѣ нарядныхъ костюмовъ, что носить ихъ не только не зазорно, но лучше люди заботятся о поддержаніи національнаго костюма. Старикъ терпѣливо выслушалъ меня, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ совершенно справедливое замѣчаніе:

— „Обветшала наша старина-то. Иной сарафанъ, или повязка, хотя и старинная, да изорвались временемъ-то,—молодухамъ въ дыркахъ ходить и зазорно. И хотѣли бы поновить чѣмъ, а негдѣ взять. Нынче такъ не дѣлають, какъ

въ старину; можетъ, конечно, оно и дѣлають, да намъ не достать, да и дорого, не подь силу. У меня въ дому еще есть старина, а и то прикупать уже изъ-за Нижняго, изъ-за Костромы приходится и все-то дорожаетъ. Такъ и проходить старинная мода“.

Старикъ сказалъ правду! нечѣмъ поновлять нашу ветшающую старину. Оторвались мы отъ нея, ушли куда-то и всѣ наши поновленія кажутся на старинѣ гнусными заплатами. Видѣлъ я попытки поновленія старинныхъ костюмовъ— въ высшей степени неудачныя. Если положить рядомъ прекрасную старинную парчу съ дешевой современной церковной парчею, если попробуете къ чудной набойкѣ съ ея ласковыми синими и бурыми тонами приставить ситець или каленкоръ, да еще изъ тѣхъ, которые спеціально дѣлаются „для народа“,—можно легко представить, какое безобразіе получается.

Современный городской эклектизмъ, конечно, прямо противоположенъ націонализму; вмѣсто нелѣпыхъ попытокъ изобрѣсти національный костюмъ для горожанъ, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюмъ не надо придумывать: вѣка сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народъ въ культурномъ развитіи могъ жить національнымъ теченіемъ мысли, чтобы онъ вокругъ себя находилъ все необходимое для красиваго образа жизни; надо, чтобы въ область сказаній отошли печальные факты, что священники сожигаютъ древнія кички, „ибо рогатымъ не подобаеть подходить зъ Причастію“. Необходимо, чтобы высшіе классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не даютъ народу красивую ткань для костюмовъ, доступную,

не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и пѣснѣ, и музыкѣ, и пляскѣ, и радости. Пусть растутъ старинная пѣсня, пусть струны балалаекъ, вмѣсто прекрасныхъ древнихъ ладовъ не вызваниваютъ пошлыхъ маршей и вальсовъ. Пусть и работаетъ русскій человекъ по-русски, а то вѣдь ужасно сказать, въ мѣстностяхъ, полныхъ лучшихъ образчиковъ старины, издавна славныхъ своею финифтью, сканнымъ и рѣзнымъ дѣломъ, въ школахъ можно встрѣчать работы по образцамъ изъ „Нивы“. Или еще хуже того;—въ Торжкѣ, даже по гимназическимъ географіямъ знаменитомъ своимъ шитьемъ, не такъ давно была устроена земская школа съ цѣлью поддержать это вѣтшающее рукодѣліе и обновить его возвращеніемъ къ старинной превосходной техникѣ. Дѣло пошло на ладъ. Казалось бы чего лучше,—нашлась опытная руководительница и школа имѣетъ прямое, отвѣчающее мѣстнымъ запросамъ, назначеніе; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширеніи этого удачнаго дѣла?—ни чуть, не бывало. Оно нашло школу излишнею и на дняхъ совсѣмъ упразднило ее, на погибель бросая исконное мѣстное ремесло. При такихъ условіяхъ, для себя развѣ сумѣетъ народъ сдѣлать что-нибудь красивое? Единственно, если будетъ прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Всѣ знаютъ, сколько цѣльнаго и прекраснаго сохранили въ своемъ быту старовѣры. Гдѣ только живетъ старина, тамъ звучитъ много хорошаго; живутъ тамъ лучшіе обычаи. Вотъ она старина-то!

Но не умѣемъ мы, не хотимъ мы помочь народу опять найти красоту въ его трудной жизни. Не съ радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивныя, вѣками имъ

взлелѣянные. Только строгими вѣсами можно вывѣрять равноцѣнность, сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

Въ томъ же Шошковѣ меня поразила церковь чистотою своихъ формъ: совершенный XVII вѣкъ. Между тѣмъ узнаю, что только недавно справляли ея столѣтіе. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всѣмъ міромъ и нарочно хотѣли строить подъ старину. Сохраняется и пріятная окраска церкви, бѣлая съ охрой, какъ на храмахъ Романова-Борисоглѣбска. Вѣрные дѣти своего времени, крестьяне уже думаютъ поновлять церковь и внутренность ея уже переписывается невѣроятными картинами въ духѣ Дорэ. И нѣтъ мощнаго голоса, чтобы сказать имъ, какую несобразность они творятъ.

При такой росписи странно было думать, что еще дѣды этихъ самыхъ крестьянъ мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно подъ старину.

Теперь же насъ—культурнѣйшихъ—окружаютъ совершенно иныя картины. Несмотря на всѣ запрещенія, несмотря на опеку старины—комиссію, на глазахъ многихъ таютъ цѣлыя башни и стѣны. Знаменитые Гедеминовскій и Кейстутовскій замки въ Трокахъ пришли въ совершенное разрушеніе. На цѣлый этажъ завалила рухнувшая башня стѣны замка Кейстута на островѣ. Въ замковой часовнѣ была фресковая живопись, особенно интересная для насъ тѣмъ, что, кажется, была византійскаго характера; отъ нея остались одни малоизвѣстные остатки, дни которыхъ уже сочтены изъ-подъ нихъ внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замокъ въ недалекомъ будущемъ кто-то хочетъ поддержать; трудно это сдѣлать теперь, хоть бы не дать пищу даль-

нѣйшему разрушенію. Въ Ковнѣ мнѣ передавали, что мѣстный замокъ еще не такъ давно очень возвышался стѣнами и башнями, а теперь отъ башни остается очень немного, а по фундаментамъ стѣнъ лѣпятся постройки. На какомъ основаніи—по какому праву появляются эти лачуги на государственной землѣ, которая недоступна даже для общественныхъ учрежденій?

Въ Меречѣ на Нѣманѣ я хотѣлъ видѣть старинный домъ, помнящій короля Владислава, а затѣмъ Петра Великаго. По археологической картѣ домъ этотъ значитъ существующимъ еще въ 1893 году, но теперь его уже нѣтъ; въ 1896 году онъ перестроенъ до фундамента. Городская башня разобрана, а подлѣ мѣстечка торчитъ оглоданный остатокъ пограничнаго столба, еще свидѣтеля Магдебургскаго права города Мереча, а теперь назначительнаго селенія. Кое-гдѣ видна на столбѣ штукатурка, но строеніе его возстановить уже невозможно.

На самомъ берегу Нѣмана въ Веллонахъ и въ Сапежишкахъ есть древнѣйшіе костелы съ первыхъ временъ христіанства. Въ Ковнѣ и въ Кейданахъ есть чудные старинные домики, а въ особенности одинъ съ фронтономъ чистой готики. Пошли имъ, Богъ заботливую руку—сохранить подольше. Много по прекраснымъ берегамъ Нѣмана старинныхъ мѣсть, безпомощно погибающихъ. Уже нечему тамъ рассказать о великомъ Зничѣ, Гедеминѣ, Кейстутѣ, о крыжакахъ, о всемъ интересномъ, что было въ этихъ мѣстахъ. Изъ-за Нѣмана приходятъ громады песковъ, а защитника лѣса уже нѣтъ и лицо земли измѣняется уже неузнаваемо.

На Изборскихъ башняхъ только кое-гдѣ еще остаются

слѣды узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стѣна крѣпости. Не были ли эти кресты страшнымъ напоминаніемъ для крестоносцевъ, злѣйшихъ неприятелей пограничнаго Изборска? Подъ толстыми плитными стѣнами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый соборъ Юрьева-Польскаго, куда болѣе интересный, нежели Дмитровскій храмъ во Владимірѣ, почти весь облѣпленъ позднѣйшими скверными пристройками, безжалостно впившимися въ сказочныя рельефныя украшения соборныхъ стѣнъ. Когда-то эта красота очистится отъ грубыхъ придатковъ и кто выведетъ опять въ жизни этотъ удивительный памятникъ?

Деревянная церковь на Ишнѣ около Ростова, этотъ прекрасный образецъ архитектуры сѣверныхъ церквей обшить досками и теперь обносится шаблоннѣйшимъ заборчикомъ, въ конецъ разбивающимъ впечатлѣніе темно-сѣрой церкви и кладбища съ тонкими березами. Въ медленномъ разрушеніи теряютъ лицо живописныя подробности Новгорода и Пскова.

И не перечестъ всего погибающаго, но даже тамъ, гдѣ мы сознательно хотимъ отстоять старину и то получается нѣчто странное. Послѣ долгаго боя отстояли красивыя стѣны Смоленска „съ великимъ тщаніемъ“ законченныя при царѣ Борисѣ. Теперь даже кладутъ заплаты на нихъ, за зато изъ старинныхъ валовъ, внизу изъ-подъ стѣнъ, вынимаютъ песокъ. Я хотѣлъ бы ошибиться, но подъ стѣнами были видны свѣжія колеи около печочныхъ выемокъ, а вмѣсто бархатистыхъ дерновыхъ валовъ и рововъ подъ стѣнами, безформенныя груды песка и оползни дерева, точно послѣ злого погрома.

Вотъ тебѣ и художественный общій, вотъ и историческій видъ! И это около Смоленска, гдѣ песчаныхъ свободныхъ косогоровъ не обнять взглядомъ ¹⁾). Обыкновенно у насъ принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди и время лишь идетъ по стопамъ ихъ, точнымъ исполнителемъ всѣхъ желаній.

Вокругъ нашихъ памятниковъ цѣлая серія именныхъ ошибокъ и лѣтописецъ могъ бы составить любопытный синодикъ громкихъ дѣятелей искаженія старины. И это слѣдуетъ сдѣлать на память потомству.

IV.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, описывая великій путь изъ варягъ въ греки, мнѣ приходилось, между прочимъ вспоминать: „когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ цѣлью охраненія нашихъ историческихъ пейзажей во имя красоты и національнаго чувства“?

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ много древнихъ городищъ и урочищъ и еще сильнѣе хочется сказать что-либо въ ихъ звщиту.

Какія это славныя мѣста!

Почему древніе люди любили жить въ такомъ привольѣ? Не только въ стратегическихъ и другихъ соображеніяхъ тутъ

¹⁾ Чтобы составить понятіе о грандіозности смоленскихъ стѣнъ ср.: Смоленская стѣна. И. И. Орлова. Смоленскъ. 1903 г.

дѣло, а широко жилъ и широко чувствовалъ древній. Если хотѣлъ онъ раскинуться свободно, то забирался на самый верхъ мѣстности, чтобы въ ухахъ гудѣлъ вольный вѣтеръ, чтобы сверкала подъ ногами быстрая рѣка или широкое озеро, чтобы не зналъ глазъ предѣла въ синѣющихъ, заманчивыхъ даляхъ. И гордо свѣтились на всѣ стороны бѣлыя вѣжи. Если же приходилось древнему скрываться отъ посторонняго глаза, то не зналъ онъ границы трущобности мѣста, запирался онъ бездонными болотами, такими лоньяками и буераками, что у насъ и духу не хватить подумать осѣсть въ такомъ углу.

Послѣ существующихъ городовъ часто указываютъ древнее городище и всегда оно кажется гораздо красивѣе расположеннымъ, нежели позднѣйшій городъ. Зналъ, такъ называемый, „Труворъ“, гдѣ сѣсть подъ Изборскомъ, у Словенскаго Ручья, и гораздо хуже рѣшили задачу псковичи, перенесшіе городокъ на гору Жераву. Городище подъ Новгородомъ по мѣсту гораздо красивѣе положенія самаго города. Городище Старой Ладogi, рубленный городъ Ярославля, мѣста Гродненскаго, Виленскаго, Венденскаго и другихъ старыхъ замковъ, лучшія мѣста во всей окрестности.

Какова же судьба городищъ. Цѣльныя, высокія мѣста мѣшають намъ не меньше памятниковъ. Если ихъ не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, какъ песокъ. Еще недавно видѣлъ я красивѣйшій Городецъ на Сарѣ ¹⁾ подъ

¹⁾ Городецъ на Сарѣ, быть можетъ, представляетъ ничто иное какъ первоначальное мѣсто Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остаткахъ городища, дала нѣсколько характерныхъ предметовъ X, XII в.в. Гнѣздовскаго типа.

Ростовомъ, весь искалѣченный вывозкою песка и камня. Въмѣсто чудеснаго мѣста, куда, бывало, съѣзжался весь Ростовъ, — ужась и разоренье, надъ которымъ искренно заплакалъ бы Джонъ Рескинъ.

Но намъ ли искать красивое? До того мы лѣнны и нелюбопытны, что даже близкій намъ, красивый Псковъ, и то мало знаемъ.

Никого не тянетъ посидѣть на берегу Великой передъ лицомъ сѣдого Дѣтинца ¹⁾; многимъ ли говоритъ что-нибудь названіе Мирожскаго монастыря, куда слѣдуетъ съѣздить, хотя бы для однихъ изображеній Спаса и Архангела въ предѣлахъ. Старинныя башни, рынокъ подъ Дѣтинцемъ, паруса и цвѣтныя мачты торговыхъ ладей, какъ все это красиво, какъ все близко отъ столицы. Какъ хороши старинныя домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащіе самымъ прозаическимъ назначеніямъ, въ родѣ склада мебели и кладовыхъ. И какъ мало все это извѣстно большинству, кислому будто-бы отъ недостатка новыхъ впечатлѣній.

Если и Псковъ мало знаемъ, то какъ же немногіе изъ насъ бывали въ чудеснѣйшемъ мѣстѣ подлѣ Пскова—Печерахъ? Прямо удивительно, что этотъ уголокъ извѣстенъ такъ мало. По уютности, по вѣковому покою, по интереснымъ строеніямъ мало что сравняется во всей Средней Руси. Стѣны, оббитыя литовцами, сбѣгаютъ въ глубокіе овраги и

¹⁾ Кромѣ живыхъ словъ Костомарова въ сѣверныхъ пародонравствахъ, къ картинѣ величія Пскова, см. матеріалы: Псковскій Городецъ и Мирожъ и какъ мѣста первыхъ псковскихъ поселеній. Ф. Ушаковъ. Спб. 1902.

бодро шагаютъ по кручамъ. Церкви деревянные переходы на стѣнѣ, звонницы, все это тѣсно сжатое даетъ необыкновенно цѣльное впечатлѣніе.

Можно долго прожить на этомъ мѣстѣ и все будетъ хотѣться еще разъ пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданіями краснаго и бѣлаго цвѣта, еще разъ захочется пройти закоулкомъ между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдутъ богомольцы; изъ которой-нибудь церкви будетъ слышаться пѣніе и со всѣхъ сторонъ будетъ чувствоваться вѣковая старина. Особую прелесть Печерамъ придаютъ полувѣрцы,—остатки колонизаціи древней Псковской земли. Какимъ-то чудомъ въ цѣломъ рядѣ поселковъ сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говоръ, — очень близкій лифляндскому нарѣчью. Въ праздники женщины грудь увѣшиваютъ наборомъ старинныхъ рублей, крестовъ и брактеатовъ, а середину груди покрываетъ огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа—вся бѣлая: и мужики и бабы въ бѣлыхъ кафтанахъ; рукава и полы оторочены незатѣйливымъ рисункомъ черной тесьмы. Такъ близко отъ насъ, презирающихъ всякую самобытность, еще уцѣлѣла подлинная характерность и нѣсколько сотъ полутемныхъ людей дорожатъ своими особенностями отъ прочихъ.

Часто говорится о старинѣ и въ особенности о старинѣ народной, какъ о пережиткѣ, естественно умирающимъ отъ ядовитыхъ сторонъ неправильно понятой культуры. Но не на смерть еще переѣхалъ старину желѣзная дорога, не такъ еще далеко ушли мы и не намъ судить: долго-ли еще можетъ жить старина, пѣсни, костюмы и пляски? Не объ этомъ намъ думать, а прежде всего надо создать здоровую

почву для жизни старины, чтобы въ шагахъ цивилизаціи не уподобиться нѣкоторымъ недавнимъ просвѣтителямъ дикихъ странъ съ ихъ тысячилѣтнею культурой. А много ли дѣлается у насъ въ пользу старины, кромѣ казенныхъ запрещеній разрушать ее?

Поговорите съ духовенствомъ, поговорите съ чиновничествомъ и съ полиціею и вы увидите, какіе люди стоятъ къ старинѣ ближайшими. Вѣдь стыдъ сказать: мѣстная администрація, мѣстныя власти часто понятія не имѣютъ объ окружающей ихъ старинѣ. Не съ гордостью укажутъ они на памятники, близъ которыхъ ихъ бросила судьба и которыми они могутъ наслаждаться; — нѣтъ, они, подобно захудалому мужиченкѣ, будутъ стараться скорѣе отдѣлаться отъ скучныхъ разспросовъ о вещахъ, ихъ пониманію недоступныхъ и карты и сплетни куда важнѣе для нихъ всей старины вмѣстѣ взятой.

Откуда же тутъ возьмется здоровая почва? Откуда сюда придетъ самосознаніе? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь бы не подумалъ кто, что свое намъ дороже чужого. Старшее поколѣніе, не имѣя въ рукахъ археологіи русской, которая занимаетъ свое мѣсто лишь за послѣднюю четверть вѣка, мало знаетъ старину; молодежь почему-то считаетъ старину принадлежностью стариковъ. И какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Какимъ путемъ удастся намъ полюбить старину и понять красоту ея—просто невѣдомо.

Можно подумать, не нужны ли здѣсь еще какія-либо приказанія. Не нужно-ли еще отпуска казенныхъ суммъ?

Предвижу, что археологи скажутъ мнѣ: дайте денегъ, укажите средства, ибо монументальныя сооруженія требуютъ и крупныхъ затратъ. Но не въ деньгахъ дѣло; денегъ на

Руси много; исторія реставраціи Ростовскаго кремля и нѣ-
которыхъ другихъ памятниковъ, наконецъ сейчасъ пережи-
ваемое нами время ясно свидѣтельствуеть что если является
интересъ и сознаніе—находятся и средства, да и не малыя.
Деньги то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда
археологія будетъ сухо-научною, до тѣхъ поръ, безъ про-
рочества можно предсказать, отчужденность ея отъ общества,
отъ народа.

Картина можетъ быть сдѣлана по всѣмъ правиламъ и
перспективы, и анатоміи, и ботаники и все-таки она можетъ
вовсе не быть художественнымъ произведеніемъ. Дѣло
памятниковъ старины можетъ вестись очень научно, можетъ
быть переполнено спеціальнѣйшими терминами со ссылками
на тысячетомную литературу и все-таки въ немъ можетъ не
быть духа живого и все-таки оно будетъ мертво. Какъ въ
картинѣ весь ея смыслъ существованія часто заключается
въ какомъ то необъяснимомъ словами тонѣ, въ какой-то не-
поддающейся формулѣ убѣдительности, такъ и въ художествен-
номъ пониманіи дѣла старины есть много, не укладываю-
щагося въ рѣчи, есть многое, что можно только воспринять
чутьемъ. И безъ этого чутья, безъ чувства красоты историче-
скаго пейзажа, безъ пониманія декоративности и конструктив-
ности, всѣ эти разговоры будутъ нелѣпой тарабарщиной.

Не о легкомъ чемъ-то говорится здѣсь. Слово нѣтъ,
трудно не утратить чувства при холодныхъ основахъ знаній;
много ли у насъ профессоровъ-наставниковъ, въ которыхъ
горитъ огонь живого чувства?.. Часто разъ только рѣчь
касается чувства, получается полная разногласица, но,
наученнымъ опытомъ нельзя бояться ея,—всегда изъ массы
найдутся, немногіе, которымъ чувство укажетъ правду и на

этой правдѣ закопошится общій интересъ, а за нимъ найдутся и средства и все необходимое.

Безспорно, за эту четверть вѣка много уже сдѣлано для дѣла старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дѣло старины, чтобы сдать ее въ археологическія и архивныя комиссіи и справлять триумфъ ея пышными обѣдами археологическихъ съѣздовъ, да на этомъ и почить.

Все больше и больше около старины накапливается задачъ, рѣшить которыя могутъ не одни ученые, но только въ единеніи съ художниками, зодчими и писателями.

Въ жизни нашей многое сбилось, спутались многія основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятіями. И старина, правильно понятая, можетъ быть доброй почвой, не только научной и художественной, но и оплотомъ жизни въ ея ближайшихъ шагахъ.

Я могу ожидать вопросъ: „вы дали неутѣшительную картину дѣла старины русской, но что же вы укажете, какъ ближайшій шагъ къ нравственному исправленію этого сложнаго дѣла“?

Что же мнѣ оставалось бы отвѣтить на такой прямой вопросъ? Отвѣтъ былъ бы очень старый;—пора русскому образованному человѣку узнать и полюбить Русь. Пора людямъ, скучающимъ безъ новыхъ впечатлѣній, заинтересоваться высокимъ и значительнымъ, которому они не съумѣли еще отвести должное мѣсто, что замѣнить сѣрые будни, веселюю, красивую жизнью.

Пора всѣмъ сочувствующимъ дѣлу старины кричать о ней при всѣхъ случаяхъ, во всей печати указывать на положеніе ея. Пора печатно неумолимо казнить невѣжественность

администраціи и духовенства, стоящихъ къ старинѣ ближайшими. Пора зло высмѣивать сухарей—археологовъ и безчувственныхъ педантовъ. Пора вербовать новыя молодыя силы въ кружки ревнителей старины,—пока, наконецъ, этотъ порывъ не перейдетъ въ національное творческое движеніе, которымъ такъ сильна всегда культурная страна.

1903